

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

© 2002 г., ЭО, № 2

А.С. Мыльников

О ФЕНОМЕНЕ «ПОСТЭТНИЧНОСТИ»: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕКОТОРЫЕ ИДЕИ Ю.В. БРОМЛЕЯ

Едва ли можно отрицать, что разработка и обоснование в 1970–1980-е годы так называемой советской теории этноса была в первую очередь связана с именем Ю.В. Бромлея. Как бы к ней сегодня не относиться, она составила эпоху в истории отечественной, а в известном смысле и зарубежной этнографической науки. При жизни ученого в работах многих авторов чуть ли не ритуально упоминалось его имя, приводились ссылки на его труды. Потом, как часто водится, это становилось все реже и реже, а многие ключевые положения концепции Ю.В. Бромлея начали подвергаться либо суровой критике, либо замалчивались.

Разумеется, развитие научной мысли неизбежно влечет за собой или пересмотр многих положений, прежде считавшихся бесспорными, или полный отказ от них. Однако, как свидетельствует та же история науки, ее нормальное развитие происходит в конечном счете на путях не отторжения ранее накопленного опыта, а его критического переосмысления в интересах дальнейшего развития. В этом видится залог преемственности, ибо каждое новое поколение исследователей начинает свою деятельность отнюдь не с нуля, так сказать «здесь и сейчас». Сказанное относится и к научному наследию Ю.В. Бромлея, в котором содержится немало идей, и сегодня, несмотря на кардинальное изменение глобальной геополитической ситуации, инспирирующих дальнейшие этнологические разработки. Далеко не последнее место в них занимают вопросы этнической истории, связанные с возникновением и развитием исторических типов социальной организации этносов как этносоциальных организмов (эсо) и адекватной им этничности. «Как показывает этническая история человечества, – писал Ю.В. Бромлей, – при смене основных типов эсо их социально-экономические и этнические параметры изменяются по-разному. Если для первых характерны кардинальные изменения и в этом смысле – разрыв постепенности, то для вторых – в той или иной мере преемственность»¹.

Рассматривая теоретические аспекты этой проблематики, Ю.В. Бромлей в своих монографиях и статьях неоднократно возвращался к вопросам генезиса, развития и угасания разных типов выделявшихся им эсо – проблематика, остающаяся дискуссионной до сих пор. Так, сторонник цивилизационного подхода американский политолог С. Хантингтон утверждает: «Цивилизации не только изживают себя, они также развиваются дальше. Они динамичны, они возвышаются и падают, они соединяются друг с другом, и распадаются; и, как это известно любому знатоку истории, они также исчезают и не оставляют в истории следа»². Завершающие приведенную мысль слова представляются спорными. В самом деле, синхронны ли история цивилизаций и история этносов? И можно ли безоговорочно утверждать, что гибель той или иной цивилизации (нередко сопровождаемая ее полным или частичным забвением) адекватна бесследному исчезновению связанного с ней этноса? На наш взгляд, положительный ответ на подобные вопросы означал бы упрощение реального хода мировой истории. С одной стороны, невозможно игнорировать такие общеизвестные факты как многотысячелетняя этническая история евреев, армян или китайцев, либо, скажем, сохранение ассирийцев, одного из древнейших этносов мира³. С другой

стороны, воспринимая приведенные примеры как исключения, невозможно отвлечься от общей тенденции мирового этнического процесса как вечного движения, когда возникновение и развитие одних этносов сочетается со смешением и угасанием других. На этом последнем обстоятельстве хотелось бы остановиться подробнее.

Вопрос, в сущности, сводится к изучению и теоретическому осмыслению не только исходного, начального, но и завершающего этапа в самостоятельном бытии того или иного этноса.

Обращаясь к этой теме, Ю.В. Бромлей связывал ее с разными формами добровольной или насильственной ассимиляции, трактуя это в контексте этноинтеграционных процессов, наиболее отчетливо проявляющихся в эпоху становления современных наций. «При изучении процессов межэтнической интеграции, – подчеркивал он, – представляется целесообразным также отличать их начальные стадии, когда речь может идти лишь о появлении отдельных межэтнических черт (простое межэтническое сближение), от более продвинутых ступеней этих процессов, при которых возникают метаэтнические общности (межэтническая интеграция в полном значении этого слова)»⁴.

Размышляя о том, что в подобных случаях происходит, Ю.В. Бромлей выделял феномен этногенетической миксации, отделяя его от этнической ассимиляции. «Общее у этих процессов, – пояснял он, – взаимодействие не связанных родством этносов. Но в первом случае возникает новый этнос, во втором – лишь исчезает один из взаимодействующих этносов (обычно часть его представителей)». «Очевидно, – продолжал автор, – той гранью, при которой взаимодействие «разнородных» этносов перестает быть миксацией и становится уже ассимиляцией, следует считать момент образования в ходе этого взаимодействия *новой этнической общности*, в частности, появление у ее членов нового этнического самосознания»⁵. Мысль продуктивная, но, на наш взгляд, не вполне четко изложенная. Во-первых, не ясно, почему в случае такой ассимиляции обязательно возникает «*новая этническая общность*» (почему именно «*новая*»)? Во-вторых, в стороне остается весьма часто встречающаяся модель, которую можно назвать этническим поглощением («заглатыванием») ассимилируемого этноса. Например, ассимиляция части балтийских финно-угров на российском Северо-Западе, основной массы полабских славян в Германии, маньчжур в Китае и так далее. Как раз новой этнической общности при этом не возникает, зато ассимилирующий этнос укрепляется, а члены ассимилируемых этнических общностей, вливаясь в структуру ассимилирующего этноса, действительно меняют свою этническую ориентацию. В этой связи полезно напомнить мысль Ю.В. Бромлея, имеющую прямое отношение к интересующей нас проблеме: «Рассматривая внутренний механизм объединительных этнических процессов, представляется также важным подчеркнуть, что в отличие от языковой ассимиляции, являющейся, как правило, неизменным этапом этнической, некоторые элементы традиционной культуры и быта могут сохраняться и после изменения этнического самосознания, утратив всякую роль символов этнической принадлежности»⁶. Впрочем, здесь потребуются некоторые коррективы, о чем ниже.

Очевидно, что любая этническая ассимиляция, как добровольная, так и насильственная, силовая, в зависимости от условий ее протекания может приобретать разные формы и приводить к далеко не единообразным результатам нациообразования. А это означает, что рассматривать этот неоднозначный процесс необходимо в контексте конкретной этнической истории, ставя во главу угла вопрос о механизме возникающего этнокультурного синтеза доминирующих (ассимилирующих) и периферийных (ассимилируемых) этнических общностей. *Иначе говоря, ассимилируемые этносы, продолжая физическое существование, утрачивают собственную этничность, прекращая в этом смысле свое самостоятельное этническое бытие. Это и порождает феномен постэтничности.*

Относительно содержания (или «субстанции») понятия «этничность» («ethnicity») высказываются разноречивые суждения⁷. Отметим лишь, что во многом это объяс-

няется сложностью обозначаемого этим термином феномена, к осмыслению которого в силу сказанного возможны различные предметные подходы. Не вдаваясь в их рассмотрение, будем исходить из понимания этничности как *концентрированного выражения этнизированнойности функций публичной и частной человеческой деятельности постольку, поскольку эти функции обладают качеством включенности в определенный этнокультурный контекст*⁸. Так, «русская одежда» – это не то же, что просто «одежда», «польская пища» – это не то же, что просто «пища», и т. д.

Скрепой этничности выступает этническое самосознание, включающее три системообразующих компонента: Самоназвание (эндо- и экзоэтноним), Самоотнесение (этнотерриториальная идентификация) и Самоутверждение (совокупность ценностных ориентаций и этнопсихологических императивов, или менталитет)⁹. Деформирование этих компонентов, переходящее критический барьер, приводит к утрате этнического самосознания данного этноса, а результатом оказывается растворение ассимилируемой этнической общности в ассимилирующей ее иноэтнической среде. Все это и характеризует феномен постэтничности как процесс, отнюдь не являющийся неким этнокультурным вакуумом.

Наоборот, с логической точки зрения постэтничность может рассматриваться как нечто противостоящее этногенезу – своего рода *этнодегенез*. Если в ходе этногенеза формируются суперэтнические, медиолокальные и составляющие их этнические структуры (т.е. отдельные этносы), то противоположный этому процесс угасания ассимилируемой этнической общности представляет собой распад прежней структуры с ее одновременным переструктурированием, означающим полное или частичное включение ассимилируемого этноса в состав этноса доминирующего (ассимилирующего). То, что при этом возможны разнообразные варианты, сомнений не вызывает. Один из таких вариантов – поглощение немецким этносом основной части полабских славян (исключая сохранившихся до настоящего времени лужицких сербов). Выбор данного примера не случаен.

Роль полабских славян (так называемых «вендов»), расселившихся примерно с рубежа V–VI вв. на обширных территориях Восточной Германии, отчасти и на левобережье Эльбы, в этнической истории немецкого этноса давно и хорошо известна. Интерес к этой теме, присущий еще раннесредневековой немецкой анналистике, с начала XVI в. (пионером был историк и богослов Альберт Кранц) входит в поле зрения немецких ученых¹⁰. Один из крупнейших современных исследователей проблемы археолог И. Херманн в 1973 г. отмечал: «Ассимиляционные процессы, в сочетании с переходом к развитому феодальному обществу, начиная с XII–XIII веков вели к формированию новых этнических групп немецкого народа при различавшемся, но сильном участии славянских крестьян, ремесленников и жителей городов»¹¹. Отмечая роль этнических смешений в формировании немецкой народной культуры Мекленбурга, видный немецкий этнограф У. Бентцин в 1988 г. писал: «Славянское, нижненемецкое, верхненемецкое вошло в мекленбургскую народную культуру, и не только в языковой области». Он указывал, в частности, на использование в мекленбургской деревне XIX – начала XX в. некоторых сельскохозяйственных орудий славянского происхождения¹². Кроме того, в топонимике многих земель Германии нашли отражение и многие славянские названия¹³.

Вопреки нередко бытующим схемам, происшедшая германизация «вендов» не была ни одномоментной, ни быстрой. Изучение источников свидетельствует, что она растянулась на несколько веков, причем полабские славяне в герцогстве Мекленбург сохраняли на правобережье Эльбы (Ябельхайде) свой язык и многие полуязыческие-полухристианские обычаи до конца XVII в., а на эльбском левобережье (Вендланд, т.е. буквально «земля славян») – до XVIII столетия. Конечно, местное славянское (древенополабское) наречие и народные обычаи здешних «вендов» постепенно исчезали. В 1725 г. приверженец этих обычаев староста д. Зютен Иоханн Парум Шульце записал в своей «Хронике»: «Мне 47 лет. Если я и еще три человека из нашей деревни уйдем в мир иной, тогда никто не будет верно знать, как по-вендски именуется

собака»¹⁴. Запись поистине трагическая. Но она не отвечает на вопрос о степени сохранения славянского элемента в немецкой народной культуре, а также о длительности протекания славяно-немецкого синтеза в Северной Германии. И, наконец, возможно ли считать имеющуюся для исследования проблематики славяно-немецкого этнокультурного синтеза информационную базу исчерпанной?

Для ответа на возникавшие вопросы было необходимо, не ограничиваясь кругом известных письменных источников давних веков, привлечь живые современные данные, поскольку под таким углом зрения задача в этнографической науке по сути дела до сих пор не ставилась. Приступить к ее решению надлежало лишь одним способом – сбором полевого материала на территориях, где долее всего сохранялись потомки славян, превратившихся к настоящему времени по этнической ориентации и образу жизни в немцев. И такая экспедиция, подготовленная Отделом европейстики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, состоялась в сентябре-ноябре 2000 г. в рамках лейпцигской научной программы «Germania Slavica»¹⁵. Участниками экспедиции были А.С. Мыльников (руководитель), А.А. Новик и Ю.В. Иванова, тезка и однофамилица известной балканистки Юлии Владимировны Ивановой.

Пока еще рано подводить итоги собранным нами обширным текстовым и аудиовизуальным материалам. Но некоторые предварительные выводы, связанные с проблемой постэтничности, представить на рассмотрение научной общественности уже можно.

Для правильного понимания современной этнодемографической ситуации в Ябельхайде и Вендланде нужно пояснить, что одним из существенных последствий второй мировой войны было появление здесь беженцев или переселенцев из немецких в прошлом областей, вошедших в состав Польши, Советского Союза (России) и Чехословакии (Чехии). Все же основная часть населения обследованных деревень относится к давним, коренным насельникам, предки которых проживали здесь уже в XVII в. Наши попытки выявить крестьянские семьи с более ранней родословной оказались неудачными: обычные сельские жители относительно собственных этнических корней не задумываются и своих предков помнят не более трех поколений. Для жителей Ябельхайде характерно локальное самосознание, связанное с определенными деревнями. Впрочем, на вопрос, кем человек себя ощущает, нередко можно было услышать: «Я мекленбуржец». Это пример областного самосознания в рамках самосознания общенемецкого. В соседнем Вендланде преобладает территориальное самосознание: «Я вендландец», причем так может сказать не только коренной житель региона, но и человек, недавно переехавший сюда. Отмеченное выше – это разнообразные способы локальной самоидентификации в рамках регионального и немецкого самосознания.

Судя по весьма обширной краеведческой литературе XIX – первой половины XX в., подкрепленной воспоминаниями наших информантов, и в Ябельхайде, и в Вендланде длительное время сохранялся традиционный уклад жизни и сельской трудовой деятельности. Коренные изменения наступили в 60–70-е годы XX в., будучи связанными с техническим перевооружением сельскохозяйственного производства (в Мекленбурге, входившем тогда в состав ГДР, к этому добавилось и создание коллективных хозяйств, сохранившихся под измененными названиями до сих пор). Все это сопровождалось отказом от ранее использовавшихся традиционных орудий труда, которые либо передавались в музеи, либо оставались у крестьян в сараях «на память» (в последнее время нередко служат в качестве декора), либо попросту выбрасывались и уничтожались. В отличие от Ябельхайде, где основная часть деревенского населения сохранила связь с сельским хозяйством, Вендланд в значительной степени превратился в элитарную и туристическую зону, входящую в сферу деятельности службы охраны памятников культуры.

Все эти перемены, подкрепляемые воздействием СМИ, не могли не отразиться на эволюции культурного ландшафта Ябельхайде и Вендланда, приведя, с одной

стороны, к отмиранию многих явлений, воспринимавшихся как славянские по своему происхождению, а с другой – к общей нивелировке бытовой культуры. Тем не менее местные этнокультурные традиции не только не прерываются, но особенно после объединения Германии возрождаются. Это проявляется в восстановлении ряда домашних ремесел, в домашнем изготовлении копченостей и солений из экологически чистых продуктов, в праздничной культуре. Нельзя пройти мимо неуклонно растущего интереса немецкой общественности к истории былых славянских насельников Северной Германии. В качестве яркого примера сошлюсь на музей под открытым небом «Грос Раден» (Groß Raden) неподалеку от г. Штернберг в западной части федеральной земли Мекленбург–Передняя Померания. Музей был создан на основании археологических раскопок 1973–1980-х годов. С частичным использованием добытых при раскопках оригинальных строительных конструкций воссозданы оборонительное городище и прилегающий к нему посад с жилыми и хозяйственными постройками бревенчатого и мазанкового типа, а также языческим капищем, отражающими повседневную жизнь северополабских славян IX–X вв., хотя, по-видимому, это место оставалось заселенным более длительное время, по крайней мере до XIII в.¹⁶ Мне довелось побывать здесь дважды – весной 1988 г. и осенью 2000 г., неизменно наблюдая приток немецких посетителей, воспринимающих, по их словам, древнеславянский памятник как часть своей национальной истории.

Рассматривая место славянского наследия в современной народной культуре обследованных нами районов, можно выделить два аспекта: *славянские реликты и славянские влияния*. Что касается первых, то они общеизвестны и давно вошли в сферу науки, прежде всего немецкой. Помимо указанной выше славянской топонимики (например, города Тетеров или Рибниц, повторяющиеся названия деревень Гадов, Грабов, Конов, Маслов и т. п.), семантика которой для рядового немца давно утратила понимание, это – фольклор, в котором славянская («вендская») тема получила заметное звучание¹⁷. Общеизвестно славянское происхождение древней и до сих пор без перерыва существующей династии мекленбургских герцогов, славянские реалии отражены в названиях улиц многих городов (например, Шверина, что по-славянски означало Зверин; Люнебурга), ресторанов и других увеселительных учреждений. Все это обыденно и таковым воспринимается населением.

Менее известны особенно интересовавшие нас факты славянских влияний, вошедших в немецкую народную культуру. Именно это имеет принципиальное значение для изучения феномена постэтничности. Судя по рассказам наших информантов, характерным проявлением славянского культурного наследия считается (и, что существенно, воспринимается таковым местным населением) тип так называемой круглой деревни (Rundling). Наиболее распространенный в Вендланде, этот тип застройки, как мы смогли убедиться, в несколько деформированном виде сохранился и в Ябельхайде (деревни Конов, Малый Крамс, Старый Кренцлин, Лаупин, Лоозен, Люббендорф, Тевсвоос, Филанк и ряд других). Но, пожалуй, наиболее типичным проявлением славянских влияний можно считать культ березы, в разных формах сохраняющийся до сих пор.

В Вендланде, например, *только* береза использовалась (это подтверждают источники конца XVII – начала XVIII в.) и используется до сих пор для установки так называемого майского дерева. Правда, в отношении времени его установки и сроков сохранения между информантами не наблюдалось единомыслия. Это может свидетельствовать о постепенном размывании обряда. Теперь из-за малочисленности молодежи майские деревья ставятся в определенной деревне совместными усилиями жителей нескольких рядом расположенных деревень. В Ябельхайде ранее бытовавший обычай воздвигать майское дерево, кажется, не сохранился. Зато и здесь, и в Вендланде обычай использовать березовые ветви при праздновании Троицы остается распространенным. Еще недавно, лет 15–20 тому назад из березы сооружали временные беседки, в которых местные жители собирались, чтобы за кружкой пива отметить праздник. При некоторых сельских домах мы видели и постоянные круглые

беседки из специально высаженных деревьев. Ветками березы, как мы неоднократно имели возможность наблюдать, украшают повозки, в которых едут крестьяне на осенние деревенские праздники урожая.

О древности культа березы свидетельствуют названия многих мекленбургских и вендландских деревень, возникновение которых восходит к славянскому периоду истории этих мест. В разных вариантах этих названий сохранилось слово «береза» (по-древенополабски Bresa): Breese im Bruche, Breese, Bresegard и т.п. Примечательно, что бургомистр д. Брезегард в беседе со мной, очевидно для лучшего, по его мнению, понимания (!), название своей деревни переводил с древенополабского языка на немецкий: Биркенберг (Birkenberg). Само по себе это примечательно. Хотя древенополабский язык давно исчез, по свидетельству нескольких информантов из различных мест Ябельхайде и Вендланда не только в XIX в. (мне рассказывали об этом еще в 1977 г. и в Люнебурге), но и до сих пор, некоторые представители старшего поколения употребляют в домашнем обиходе отдельные слова вымершего языка. И не только они. Крупнейший знаток этнографии Вендланда Иоахим Швебе (д. Диарин) поделился с нами сенсационным наблюдением. По его утверждению дикорастущую малину местные жители называют не по-немецки (Himbeere), а по-славянски (moleina), а дикорастущую землянику – не Erdbeere, а saueitza, что близко к болгарскому «суница» и белорусскому «суніца». Подобные случаи (а едва ли корректно полагать приведенные примеры исчерпывающими) показывают достаточно сложный характер, а тем более результаты, этнической ассимиляции.

Солидаризируясь в целом с цитированным выше суждением Ю.В. Бромлея о внутреннем механизме объединительных процессов на путях этнической ассимиляции, не могу согласиться с тезисом о том, что «некоторые элементы традиционной культуры и быта могут сохраняться и после изменения этнического самосознания, утратив *всякую* (курсив мой. – А.М.) роль символов этнической принадлежности»¹⁸. Разумеется, те или иные конкретные обстоятельства способны оказывать различное воздействие на ассимиляционные процессы, которые сами по себе сложны, противоречивы, а потому и неоднозначны. Ни в коей мере не универсализируя значимость полевых данных 2000 г. о нынешней этнокультурной ситуации в Ябельхайде и Вендланде как результата протекавшего здесь многовекового славяно-немецкого синтеза, полагаю возможным, опираясь на эти данные, отчасти по-новому взглянуть на теоретические проблемы ассимиляции.

В самом общем виде вывод представляется следующим образом. Прекращая самостоятельное бытие, тот или иной этнос полностью не исчезает, но, включаясь в структуры других этносов, переходит, образно говоря, в состояние этнического инобытия¹⁹. Это состояние достаточно конкретно, поскольку материальное и духовное наследие ассимилированной этнической общности в том или ином виде и объеме воспринимается новым этносом или частью его как наследником. Трансляция здесь осуществляется как через культуру, так (подчеркнем) и через территорию, на которой ранее проживал угасший этнос. Это составляет содержание феномена постэтничности, который в силу сказанного представляет собой длительный и хронологически четко не ограниченный процесс. При этом этническое самосознание, утраченное ассимилированной общностью, преобразуется в разные формы этнотерриториального самосознания поглотившего ее этноса. Применительно к обследованным нами территориям «вендов» их непосредственный восприимчивый – нижнегерманский субэтнос немецкого народа, обладающий своим нижнегерманским языком (Platdeutsch) и чертами регионального менталитета.

Ни один народ, заявивший о себе в истории мировой культуры, не исчезает бесследно. Он продолжается в бесчисленной череде сменяющих друг друга этнических общностей, как по цепочке, осознанно или бессознательно, передавая свой культурный опыт, порой открыто, а порой скрыто, в «закодированном» виде. Значение феномена постэтничности состоит в том, что он закрепляет непрерывность и преемственность этнической истории человечества.

Примечания

- ¹ Идеи Ю.В. Бромлей, о которых пойдет речь, излагались им неоднократно в ряде монографий и статей. Наиболее полно они изложены в книге, на которую и содержатся наши последующие ссылки: *Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса*. М., 1983. С. 68.
- ² *Huntington S. The Clash of Civilisations / Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert*. 6. Aufl. Aus dem Amerikanischen von H. Fließbach. München; Wien, 1997. S. 55.
- ³ *Митвеев К.П. Ассирийцы в городах Европейской части СССР // Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР*. М., 1985. С. 46–55.
- ⁴ *Бромлей Ю.В. Указ. раб.* С. 239–240.
- ⁵ Там же. С. 240.
- ⁶ Там же. С. 242.
- ⁷ См. напр.: *Скворцов Н.Г. Проблемы этничности в социальной антропологии*. СПб., 1996; *Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России*. М., 1997; *Этничность. Национальные движения. Социальная практика*. Сб. статей. СПб., 1995 и др.
- ⁸ *Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века*. СПб., 1999. С. 31.
- ⁹ См. подробнее: *Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII–XIX вв.* СПб., 1997. С. 31.
- ¹⁰ *Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века*. СПб., 1996. С. 108–113.
- ¹¹ *Herrmann I. Die Nordwestslawen und ihr Anteil an der Geschichte des deutschen Volkes*. В., 1973. S. 29.
- ¹² *Mecklenburgische Volkskunde*. Rostock, 1988. S. 10, 16.
- ¹³ См. напр.: *Pisarczyk K. Slawische Ortsnamen > Deutsche Ortsnamen. Personennamen. Entwicklung alter slawischer Ortsnamen zu germanisch – deutschen Ortsnamen, Personennamen mit geschichtlichen Streifzügen*. Uelzen, 1986.
- ¹⁴ *Olesch R. Zum Dravanopolabischen in Hannoverschen Wendland // Wendland und Altmark in historischer und sprachwissenschaftlicher Sicht. Beiträge*. Lüneburg, 1992. S. 102.
- ¹⁵ *Lübke Chr. Germania – Slavica – Forschung im Geisteswissenschaftlichen Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas e. V. Die Germania Slavica als Bestandteil Ostmitteleuropas // Struktur und Wandel im Früh- und Hochmittelalter. Eine Bestandsaufnahme aktueller Forschungen zur Germania Slavica*. Stuttgart, 1998. S. 9–16.
- ¹⁶ *Keiling H. Archäologisches Freilichtmuseum Gross Raden*. Schwerin, 1990.
- ¹⁷ Существует большое количество антологий немецкого фольклора с участием «вендской» темы. Из новейших публикаций примечателен популярный сборник легенд из Бранденбурга, первое издание которого вышло еще в Западной Германии (1979), а третье уже после объединения страны: *Markische Sagen*. Berlin und Mark Brandenburg. В., 1990.
- ¹⁸ *Бромлей Ю.В. Указ. раб.* С. 242.
- ¹⁹ Подробнее см.: *Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления... С. 327–343; впервые вопрос был поставлен в статье: Мыльников А.С. Этнокультурные традиции в пространственном измерении исторической памяти // Курьер Петровской Кунсткамеры*. Вып. 1. СПб., 1995. С. 114–123.

A.S. Mylnikov. On the phenomenon of «post-ethnicity»: a modern view of some ideas of Yu.V. Bromley

The article points out that the development and substantiation during the 1970–1980 of the so-called Soviet theory of ethnos is connected before all with the name of the then Director of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences Yu.V. Bromley. Up to this day one of the debatable problems of this theory remains to be that of the genesis, development and fading away of various types of ethno-social organisms (ESO). In the present article post-ethnicity is seen as something opposite to ethnic genesis – a kind of ethnic anti-genesis.

The author writes that while in the course of ethnic genesis some super-ethnic, medium-local and their component structures (i.e. separate ethnoses) are being formed, the opposite process of the fading away of an ethnic community under assimilation is the one of disintegration of its earlier structure accompanied by its restructuring which means complete or partial inclusion of the ethnos being assimilated into the composition of a dominant (assimilating) ethnos. The article considers the variant of assimilation by the German ethnos of the main body of the Polaba Slavs, with the exception of the Luzicke Serbs who have survived to the present time.